

Воронкина М. А. Прагмалингвистический аспект вопросительных речевых актов в дискурсе «Ригведы» / М. А. Воронкина // Научный диалог. — 2020. — № 9. — С. 48—61. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-48-61.

Voronkina, M. A. (2020). Pragmalinguistic Aspect of Interrogative Speech Acts in Discourse of “Rig Veda”. *Nauchnyi dialog*, 9: 48-61. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-48-61. (In Russ.).

УДК 81'22+81'367.322

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-48-61

ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ В ДИСКУРСЕ «РИГВЕДЫ»

© **Воронкина Маргарита Алексеевна (2020)**, orcid.org/0000-0002-9678-4801, кандидат философских наук, доцент кафедры «Научно-технический перевод и профессиональная коммуникация», федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (Ростов-на-Дону, Россия), voronkina_m@mail.ru.

Исследуются вопросительные речевые акты, представленные в языковом материале «Ригведы» — одного из древнейших и культурно значимых произведений, явившихся манифестацией ритуально-мифологического дискурса. Язык ведийских текстов рассматривается с позиций функционального подхода как прагматическая система, для которой релевантны такие коммуникативные характеристики, как интенции и иллокутивная сила высказываний. Учитывается система норм и представлений, управляющих речевой деятельностью в ведийском ритуальном взаимодействии. Доказано, что вопросительные речевые акты являются одним из важнейших прагматических элементов данного типа дискурса. Новизна исследования состоит в том, что все извлеченные в результате сплошной выборки вопросительные конструкции памятника впервые изучаются с точки зрения прагматики с учетом коммуникативных интенций. Описанию и анализу подвергаются разные типы вопросов, включая вопросительные констативы, вопросительные директивы, в том числе вопросы, имеющие вторичную иллокуцию, а также собственно-вопросительные предложения. Автор приходит к выводу, что, помимо неспецифической для данного языкового материала прагматики, вопросительные предложения в тексте «Ригведы» способствуют реализации магико-заклинательной функции речи. Результаты представляют ценность как для изучения названного типа дискурса, так и для уточнения понимания текста памятника и ведийской культуры в целом.

Ключевые слова: дискурс; прагматика; речевой акт; иллокуция; коммуникативные интенции.

1. Введение

Значение «Ригведы» — собрания гимнов богам арийских племен — состоит в том, что это не просто древнейший памятник индийской культуры, созданный в конце II — начале I тыс. до н. э., но и последний памятник общиндоевропейской традиции [Елизаренкова, 1993, с. 3]. Таким образом, уникальность рассматриваемого эмпирического материала обу-

словлена отдаленной эпохой его происхождения, что дает возможность реконструировать ранние стадии становления ритуально-мифологического дискурса, который он репрезентирует.

Теоретическую базу исследования составляют работы Н. И. Жинкина, О. Есперсена, М. Я. Блоха, А. Н. Баранова, Г. Е. Крейдлина и многих других авторов, посвященные структуре и функциям вопросительных конструкций в диалогической речи. При анализе вопросов «Ригведы» особый интерес представляют случаи неинтеррогативного употребления вопросительных по форме предложений, в том числе риторических вопросов. Вторичные функции вопросительных предложений и их «невопросительные аспекты» рассматривались такими авторами, как Р. Конрад, П. Грайс, Е. В. Падучева, И. М. Кобозева, Т. Е. Янко и др. Безусловную ценность представляют работы, посвященные отдельным видам вопросов, специфически характерным для ведийской традиции. Особый интерес вызывают исследования В. Н. Топоровым и Т. Я. Елизаренковой вопросов жанра «*brahmodya*». Попыток целенаправленно исследовать все вопросы «Ригведы» до сих пор не предпринималось.

Целью статьи является описание и осмысление различных типов вопросительных речевых актов, представленных в дискурсе «Ригведы», с учетом коммуникативных интенций в прагматическом аспекте.

Достижению цели способствовала комплексная методика исследования, включающая лингвистическое наблюдение и описание, контекстуальный анализ, статистический метод, а также методы сплошной выборки и трансформации (последний реализуется через процедуру преобразования вопросительной структуры в утвердительную в целях идентификации в вопросе косвенного речевого акта).

С точки зрения локуции вопросы в ведийских гимнах имеют выраженные структурно-грамматические признаки. Кроме интонации, характерной для устной речи, вопросительные предложения маркируются различными вопросительными словами, формами вопросительного местоимения *ká-*, вопросительными частицами [Елизаренкова, 1987, с. 165]. По этим признакам из всего корпуса текстов «Ригведы» в оригинале методом сплошной выборки нами извлечено 601 вопросительное по форме предложение, послужившее материалом исследования. В статье примеры приводятся в транслитерации [The Rig Veda ...] с переводом Т. Я. Елизаренковой [Ригведа].

2. Вопросительные речевые акты в дискурсе «Ригведы»

Главное обстоятельство, оправдывающее подход к гимнам «Ригведы» как к материалу, который позволяет изучать названный тип дискурса, —

это прагматика гимна, предполагающая наличие коммуникации между сообществом верующих и божественным адресатом, которому посвящены его славословия. Человек ведийской эпохи не только восхваляет подвиги бессмертных, поет их величие и могущество, но и взывает к ним о ниспослании милости, процветания, потомства, победы над врагами, помощи. По этой причине всякое исполнение гимна оказывается для него новым актом коммуникации, имеющей определяющее значение для выживания и благополучия. Для верующего это живое общение, в котором присутствие божества неоспоримо. Исследователи соответствующего типа мировоззрения отмечают, что это присутствие «не только созерцаемо и понимаемо, но и эмоционально переживаемо в динамическом двухстороннем взаимоотношении» [Before philosophy ..., 1986, p. 7]. Всякий раз результат такого взаимодействия заранее не известен.

Ввиду роли такой интеракции в жизни ведийских ариев ответ на вопрос о том, является ли текстовый материал памятника статическим объектом, застывшим результатом речевой деятельности или связан с жизнью, динамичен, разворачивается во времени, очевиден. По мысли современного исследователя, это продукт, но для исполнителя — живой процесс общения. Таким образом, применительно к древнему гимну наиболее точным представляется предложенный подход к тексту как к интерпретируемому вербальному объекту, «за которым можно увидеть протекание дискурса» [Демьянков, 2007, с. 95].

Очевидным признаком отправления в ведийском ритуале коммуникации предстает наличие вопросов. Именно вопросы и императивы считают в максимальной степени адресованными ввиду ожидаемого от них «осязаемого» результата [Арутюнова, 1981, с. 360]. Таким образом, значение исследования вопросов состоит в том, что они дают возможность судить не только об иллюции речевых актов, но и об ожидаемом коллективом верующих перлокутивном эффекте, ответной реакции вопрошаемого божества, что позволяет лучше понять интенции коммуникации и уточнить представления о ведийском дискурсе в целом.

Для интерпретации прагматики вопроса важен его контекст, как непосредственный, ограниченный гимном, так в ряде случаев и предельно широкий, в масштабах всего памятника или даже типа дискурса.

В значительной степени своеобразие вопросов определяется жанром гимна. 1028 гимнов «Ригведы» достаточно разнообразны. Среди них выделяют гимны-славословия, гимны-заговоры, похоронные и свадебные гимны, гимны-загадки, космогонические гимны, гимны-восхваления даров, гимны-самовосхваления и многое другое. Около двадцати гимнов, называемых

saṁvādā (‘беседа’, ‘разговор’), составлены в форме диалога (см., например, X, 98; X, 95 и др.) В них видят тексты ритуальных мистерий, драматизирующих и реактуализирующих миф. Ряд гимнов представляют диалог божеств между собой (X, 124) или их монолог от первого лица (X, 125).

Очевидно, что драматизация в гимнах общеизвестных в ведийском обществе сюжетов, предполагающая воспроизведение сакрально значимых паттернов поведения, также адресована божествам и имеет конечной целью управление их поведением. Однако встречающиеся в гимнах-диалогах вопросительные по структуре речевые акты, которые нередко сопровождаются ответными репликами, явно не совпадают ни по воздействию, ни по коммуникативному намерению с вопросами, адресованными получателям гимнов (богам) в акте непосредственного взаимодействия. Представляется, что вопросы гимнов-диалогов, а также фрагментов, содержащих пересказ мифологических сюжетов, как и косвенные вопросы, употребляемые при передачи чужих слов, сближаются с повествовательными предложениями. Сравните, например,

ā bundaṁ vṛtrahā dade jātaḥ pṛchad vi mātaram | ka ughrāḥ ke ha śṛṇvire ||
[The Rig Veda ...].

(Убийца Вритры взялся за стрелу, едва родившись, (и) стал расспрашивать мать: **Кто грозные, как они зовутся?** (VIII, 45, 4) [Ригведа]).

Доля таких вопросов составляет 11 % от общего числа вопросительных предложений памятника.

Основной предмет нашего рассмотрения составляют различные группы вопросов, непосредственно адресованных реципиенту в избранном для анализа тексте.

3. Вопросительные констативы

Особую группу составляют риторические вопросы, которые имеют все синтаксические и структурные признаки вопросительного предложения, но в отличие от собственно-вопросительных не направлены на запрос информации. Фактически риторический вопрос — это фигура речи, придающая утверждению или отрицанию вопросительную форму.

Однако полностью приравнять их к обычным утверждениям или отрицаниям в «Ригведе» было бы несправедливо. Риторическим вопросам свойственно модально-логическое усиление информации. Вопросительная интонация выступает дополнительным фактором привлечения внимания к смыслу. Сравните, например, гимн I, 118, 3, где вопросительная форма высказывания усиливает воздействие, способствуя управлению поведением адресата:

kimaṅgha vām pratyavartim ghamiṣṭhāhurviprāsoaśvinā purājāḥ [The Rig Veda ...].

(Не вас ли, о Ашвины, назвали прежде рожденные мудрецы
Скорее всех приходящими (на помощь) в беде? [Ригведа] = Конечно,
но, вас! Придите на помощь!).

Важно обратить внимание на музыкально-поэтическую форму ведийских гимнов, которым свойственны многочисленные повторы, призванные усилить их суггестивный эффект. В отдельных случаях рефреном повторяются и риторические вопросы, акцентируя внимание на ключевой информации гимна и воплощая, таким образом, его художественный и коммуникативный замысел. По сути, повтор в сочетании с вопросительным по форме констативом представляет собой двойной интенсификатор смысла, в результате чего экспрессивность высказывания значительно усиливается. Таков, например, гимн-самовосхваление, посвященный опьянению сакрально значимым ведийским напитком сомой (X, 119, 1—13). Гимн описывает признаки характерного состояния, тринадцать раз повторяя в конце каждого стиха вопрос:

Kuvitsomasyāpāmiti [The Rig Veda ...]

(*He напился ли я сомы?* [Ригведа] = Конечно, я напился, о чем и возвещаю!).

Из общего числа вопросительных предложений памятника доля риторических вопросов составляет 14 %, что несколько превышает их обычную долю, например, в языковом материале современных художественных произведений, ср. [Винатова, 2009, с. 34; Петрова, 2018, с. 65]. Объяснение этому мы видим в тенденции привлекать риторический вопрос для воплощения специфических магико-заклинательных функций гимнов, где данный прием используется в целях усиления вербального воздействия на адресата. Так, в гимне-заговоре против ведьмы (X, 155, 5) после описания принятых людьми охранительных мер риторический вопрос способствует реализации заговорных интенций:

parīte ghāmanesaṭa paryaghnimahṛṣata |

devesvakrataśravaḥ ka imānā dadharṣati || [The Rig Veda ...].

(Эти (люди) обвели кругом корову, они обнесли кругом огонь.

Они создали себе славу среди богов. *Кто дерзнет (покуситься) на них?* [Ригведа] = Никто не дерзнет!).

4. Вопросительные директивы

Исследователи давно пришли к выводу о необходимости различать буквальное значение предложения и подразумеваемый смысл, ср.: [Grice,

1989, p. 217—237]. В результате в теории речевых актов особое положение занимают косвенные речевые акты (*indirect speech acts*), в которых эти две стороны высказывания не совпадают. В полной мере это относится и к вопросам, которые не только могут быть направлены на запрос информации, но и представляют собой косвенные речевые акты. Отмечается реализация с помощью вопросов намерения дать совет, попросить, сделать предложение и пр. Использование вопросов как косвенных речевых актов характерно для 30 % вопросов «Ригведы». Почти все они выражают побуждение к действию, то есть фактически являются директивами, имеющими вопросительную форму.

Характерным структурным элементом таких вопросов в «Ригведе» является вопросительная частица *kuvīd*, которой в словаре известного британского санскритолога М. Монье-Вильямса соответствует английское *if* или *whether*. Частица *kuvīd* встречается только в ведийских текстах (ср.: [Monier-Williams, 1999, p. 296]) и используется как интенсификатор в 6 % вопросительных предложений исследуемого памятника. С помощью этой частицы формируются общие вопросы. Все случаи употребления частицы можно отнести либо к риторическим вопросам, либо к косвенным речевым актам в вопросительной форме, выражающим просьбу. Сравните косвенное выражение просьбы в вопросах, обращенных к богам:

kuvīn no aghnirucathasya vīrasad vasuṣ kuvīd vasubhiḥ kāmamāvarat |
[The Rig Veda ...]

(Примет *lu* Агни благосклонно наше песнопение?)

Исполнит *lu* Васу вместе с (другими) Васу (наше) желание? (I, 143, 6) [Ригведа] = Просим, прими благосклонно наше песнопение, исполни наше желание!).

kuvīd devasya sahasā cakānaḥ sumnam aghnir vanate vāvṛdhānaḥ ||
[The Rig Veda ...].

(*Разве* Агни, подкрепленный (возлиянием), радуясь (своей) силе,

Не завоеует (для нас) расположение бога? (V, 3, 10) [Ригведа] = Просим, завоюй для нас расположение бога!).

В приведенном примере обращает на себя внимание упоминание жертвенного возлияния как формы задабривания, что выступает дополнительным фактором усиления воздействия и подтверждает интенции коммуникативного акта.

Передать оттенки вопросительной частицы *kuvīd* на русском языке в ряде случаев достаточно сложно. Примечательно, однако, что при переводе на английский удачно используется глагол *will*, который, как известно, может иметь оттенок вежливой просьбы, а в сочетании с отрицанием

выражать удивление. Сравните перевод Р. Гриффитом приведенного выше отрывка гимна (I, 143, 6) на английский:

And will not Agni find enjoyment in our praise, will not the Vasu grant our wish with gifts of wealth? [Hymns ..., 1987].

Т. Е. Янко и другие исследователи обращают внимание на то, что, помимо основной коммуникативной цели, вопросы нередко характеризуются наличием вторичной иллокуции, например, выражают удивление, негодование, мольбу, раздражение и пр., см.: [Янко, 2008]. Для рассматриваемого текстового материала наиболее типично употребление вопросительной формы высказывания для оценки действий богов. Сравните:

akrandayo nadyo roruvad vanā kathā na kṣoṅīrbhīyasā samārata || [The Rig Veda ...].

(Ты заставил шуметь реки, (раскачал) громко скрипящие деревья.

Как людям не сгрудиться вместе от страха? (I, 54, 1) [Ригведа]).

kadavīṣanta sūrayastira āpa iva sridhaḥ | arṣanti pūtadakṣaṣaḥ | [The Rig Veda ...].

(Что разбушевались (наши) покровители? Они мчатся, как воды, миная Неудачи, наделенные чистой силой действия (VIII, 94, 7) [Ригведа]).

Отмечают сходство вопросов с побудительными речевыми актами, в том числе по воздействию на эмоционально-волевую сферу. Так, Дж. Р. Серль относит вопросы к директивам. Он считает, что вопрос сближает с побуждением намерение добиться от собеседника ответных действий, ср.: [Searle, 1976, p. 53]. Такие интенции вполне релевантны в свете общей прагматики ведийских гимнов, направленных на управление поведением божественного адресата. В соответствии с правилами ведения диалога, предписывающими выполнение тех или иных действий (вербальных и невербальных) (ср. [Баранов и др., 1992, с. 96]), вопрос вынуждает адресата гимна реагировать.

Особенностью исследуемого языкового материала является то, что вторичные иллокуции, характерные для вопросительных по форме директивов, передают, как правило, нетерпение, упрек, раздражение и пр. Такие вопросительные предложения нередко встречаются в речевом контексте утвердительных директивов. Сравните подбадривающий вопрос — упрек в нерешительности:

ud vṛha rakṣaḥ sahamūlamindra vṛścā madhyaṃ pratyaghraṃśṛṅhi | ā kīvataḥ salalūkam cakārtha brahmadviṣe tapuṣiṃ hetimasya || [The Rig Veda ...]

(Вырви ракшаса с корнем, о Индра! Расщепи середину! Отломи верхушку! До каких пор ты пребывал в нерешительности? (= Действуй!))

Метни раскаленный дротик в ненавистника молитвы! (III, 30, 17) [Ригведа]).

Представляется, что вопросительная форма, предполагающая и соответствующую интонацию, выступает интенсификатором таких директивов. Сравните, например, X, 38, 5:

pra miñcasva pari kutsādihā ghahi kimutvāvān muṣkayorbaddha āsate || [The Rig Veda ...]

(Освободись от Кутсы! Иди сюда! Неужели такой, как ты, будет сидеть привязанный за мошонку? [Ригведа] = Не сиди!).

Контекстуальный анализ показывает, что предложения с вопросительным словом *kadā* ('когда'), составляющие 5,5 % от всех вопросов, в подавляющем большинстве случаев не направлены на запрос информации. Их основная цель — выражение нетерпения и призыв к действию. Сравните:

kadā kṣatraśriyaṃ naramā varuṇaṃ karāmahe | mṛṣīkāyurucakṣasam || [The Rig Veda ...].

(Когда же мужа, воплощающего блеск власти, Варуну, мы побудим К милосердию, (его), далеко смотрящего? (I, 25, 5) [Ригведа]).

kadā martamarādhasaṃ padā kṣumpatīva sphurat | kadā naḥśuśravada ghira indro aṅgha || [The Rig Veda ...].

(Когда скупого смертного он пнет ногою, словно гриб?

Когда наши песни услышит Индра, в самом деле? (I, 84, 8) [Ригведа]).

Представляется, что существенное количество косвенных речевых актов со вторичной иллокуцией в вопросительной форме подчеркивает их значение в реализации общей прагматики ведийского ритуала. Вопросительные по форме директивы, как правило, способствуют реализации магико-заклинательной функции речи, в которой Р. Якобсон видел особую разновидность призывно-побудительной, ср.: [Jakobson, 1960].

5. Собственно-вопросительные предложения

Особый интерес вызывают квеситивы, или собственно-вопросительные предложения, — вопросительные речевые акты без вторичной иллокуции, направленные исключительно на получение информации. Внушительная доля таких вопросов (43 %) приводит к выводу об их особом значении в ритуальной практике. Около половины этих вопросов посвящены организации культа божеств и взаимоотношениям с ними. Остальные, как правило, касаются темы космогонии, устройства мироздания, его частей, их связи с человеком. Они близки вопросам жанра *brahmodya*, или *brahmatavadya* ('брахманоговорение') (см. [Елизаренкова и др., 1984, с. 14—46], характерного для «Яджурведы»).

В тексте «Ригведы» отдельные фрагменты указывают на то, что и сами авторы гимнов делали различие между такими вопросами и косвенными речевыми актами в вопросительной форме. Сравните, например:

Сколько (существует) огней? Сколько солнц? Сколько утренних зорь? Сколько же вод? Без (всякого) умысла я говорю вам, о отцы. Я спрашиваю вас, о мудрые, чтобы узнать (X, 88, 18) [Ригведа].

В большинстве случаев квеситивы в тексте остаются без ответа. По-видимому, ответ предполагалось получить в ходе ритуала, выполнявшего также когнитивную функцию [см. Топоров, 1988, с. 20]. Вполне вероятно, сделать это предполагалось посредством гадательной практики, весьма для него характерной. Отмечают, что «урочища и святилища не только место совершения ритуалов, хранящих память о законах и обычаях, но и места гаданий и предсказаний» [Лотман, 2001, с. 365].

Квеситивы об устройстве или создании мира и его частей наиболее характерны для гимнов-загадок, близких *brahmodya*, для гимнов, содержащих пересказ видений, где носят уточняющий характер, либо для космогонических гимнов. Сравните вопрос гимна-загадки:

avaḥ pareṇa pitarāṃ yo asyānuveda para enāvareṇa | kavīyamānaḥ ka iha pra vocad devaṃ manaḥ kuto adhi prājātam || [The Rig Veda ...].

(Кто, постигнув его отца ниже дальнего (пространства), дальше этого нижнего, проявляя себя прозорливцем, провозгласит здесь: божественная мысль откуда родилась? (I, 164, 18) [Ригведа]).

и вопросы космогонического гимна:

kāsīt pramā pratimā kiṃ nidānamājyaṃ kimāsītparidhiḥ ka āsīt | chandaḥ kimāsīt praughāṃ kimukthamyaḥ devā devamayajanta viśve || [The Rig Veda ...].

(Что было образцом? Что подражанием? Какова связь (между ними)? Жертвенным маслом что было? Оградой что было?)

Что было поэтическим размером, речью жрецов, что гимном, Когда Все-Боги принесли в жертву бога? (X, 130, 3) [Ригведа]).

Представляется, что, несмотря на тематическую близость текстов, функции квеситивов в разных по жанру гимнах не совпадают. В отличие от гимнов, где вопросы носят познавательно-уточняющий характер, исполнение космогонических гимнов обеспечивает непосредственное участие человека в ежегодном обновлении мироздания. Задавая в таких гимнах вопрос, участники ритуала провозглашают сакрально значимый ответ, который необходим для осуществления ритуальной магии. С помощью вопросов и ответов, связанных между собой в диалогическом единстве, реализуется магическая функция гимна, основанная на весьма характерном для

ведийской культуры представлении о творческой силе слова. Иначе говоря, ритуальное слово материализуется, конструируя действительность. Ответ в ряде случаев эксплицируется. Сравните:

paro divā para enā pṛthivyā paro devebhirasurairiyadasti | kaṃ svīd gharbhaṃ prathamam dadhra āpo yatra devāḥsamapaśyanta viśve || tamid gharbhaṃ prathamam dadhra āpo yatra devāḥsamaghachanta viśve | ajasya nābhāvadyekamarpitaṃyasmīn viśvāni bhuvanāni tasthuḥ || [The Rig Veda ...].

(То, что есть по ту сторону неба, по ту сторону этой земли, по ту сторону богов (и) асуров, — **Что за первый зародыш восприняли воды, где виднелись вместе все боги?** Это его (Вишвакармана. — М. В.) восприняли воды как первый зародыш, (там,) где сошлись вместе все боги. На пупе Нерожденного укреплено Нечто, на котором находятся все существа (X, 82, 5—6) [Ригведа]).

Вопросы гимна в единстве с имплицуемым именем бога можно отнести к особой группе, составляющей 3 % от общего числа вопросов. Такие вопросы носят неинтеррогативный характер, так как ответ на них заранее известен. Основной их целью является привлечение внимания к имени божества. В отдельных случаях это имя эксплицируется. Сравните гимн Агни:

kasya nūnam katamasyāmṛtānām manāmahe cāru devasya nāma | ko no mahyā aditaye punardāt pitaram ca dṛśeyam mātaram ca || aghnervayam prathamasyāmṛtānām manāmahe cāru devasya nāma | sa no mahyā aditaye punardāt pitaram ca dṛśeyam mātaram ca || [The Rig Veda ...].

(Милое имя какого бога, которого из бессмертных мы сейчас вспомним?)

Кто же снова вернет нас великой Несвязанности, чтобы я видел отца и мать? Мы вспомним милое имя бога Агни — первого из бессмертных. Он вернет нас снова великой Несвязанности, чтобы я видел отца и мать! (I, 24, 1—2) [Ригведа]).

Провозглашение в ритуале имени реализует призывную функцию гимна. Данный магический прием основан на представлении о неотделимости имени от предмета. Имя в архаическом сознании не обозначение предмета, а его часть или субститут, что находит отражение в ритуальной практике, ср.: [Before philosophy ..., p. 13]. Произнося имя, участники ритуала добиваются появления божества или воздействия на него.

6. Выводы

Итак, в результате исследования вопросительных речевых актов в дискурсе «Ригведы» в прагмалингвистическом аспекте было установлено, что текст памятника отражает речевую практику ведийского ритуала и

позволяет исследовать ведийский ритуально-мифологический дискурс. Коммуникативные интенции вопросов «Ригведы» соответствуют общей прагматике ритуала и отдельных гимнов, жанр которых определяет коммуникативную ситуацию. Доказано, что, помимо неспецифической для данного языкового материала прагматики, вопросы в гимнах «Ригведы» способствуют реализации магики-заклинательной функции речи.

Вопросы, содержащиеся в гимнах-диалогах, драматизирующих мифологические сюжеты, как и косвенные вопросы, сближаются по прагматике с повествовательными предложениями.

Риторические вопросы по коммуникативно-интенциональному содержанию относятся к констативам. В «Ригведе» вопросительная форма содержащихся в них утверждений или отрицаний, как и особая интонация, является не только приемом диалогизации рассуждения, как в монологической речи. Она (особенно в сочетании с другими интенсификаторами, например, повторами) имеет целью акцентировать внимание на содержании и усиливает экспрессию и суггестивное воздействие на эмоционально-волевую сферу адресата, что релевантно с учетом прагматики ведийского ритуала, ориентированного на управление поведением получателей гимнов.

Вопросы в качестве косвенных речевых актов, как правило, со вторичной иллюзией преимущественно побуждают к действию, а также содержат оценку и выражают восторг, упрек, нетерпение, то есть употребляются как директивы с повышенной степенью интенсивности. Характерным структурным элементом таких речевых актов служит вопросительная частица *kūvid*, способствующая модально-логическому усилению. Оттенок нетерпения привносит вопросительное слово *kadā* ('когда').

Истинные квеситивы в ряде случаев направлены на осуществление когнитивной функции ритуала — получение информации — либо (в совокупности с ответом) — магики-заклинательной.

К перспективам исследования следует отнести необходимость изучения интенций собственно-вопросительных предложений в зависимости от жанра гимна с учетом возможности трансформации функций вопросов в ходе эволюции ритуально-мифологических представлений и практики. Перспективным представляется и исследование квеситивов с магики-заклинательными интенциями как характерного элемента ритуально-мифологического дискурса.

Источники и принятые сокращения

1. *Ригведа* [Электронный ресурс] / перевод Т. Я. Елизаренковой. — Режим доступа : https://aurobindo.ru/sources/pub/elizarenkova-rig_veda_r.pdf. (дата обращения 20.06.2020).

2. *The Rig Veda* in Sanskrit [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.sacred-texts.com/hin/rv/san/>. (accessed 20.07.2020).

3. *Monier-Williams M. A Sanskrit-English Dictionary : Etymologically and Philologically Arranged with Special Reference to Cognate Indo-European Languages / M. Monier-Williams.* — New Delhi : Motilal Banarsidass Publ., 1999. — 1333 p.

4. *Hymns of the Rigveda* : In 2 vol. / Transl. by Ralph T. H. Griffith. — Delhi : Munshiram Manoharlal, 1987. — 1490 p.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арутюнова Н. Д.* Фактор адресата / Н. Д. Арутюнова // Известия Академии наук СССР. Серия Литературы и языка. — 1981. — № 4. — С. 356—367.

2. *Баранов А. Н.* Иллокутивное вынуждение в структуре диалога / А. Н. Баранов, Г. Е. Крейдлин // Вопросы языкознания. — 1992. — № 2. — С. 84—99.

3. *Винатова И. В.* Классификация косвенных речевых актов, выраженных в вопросительной форме (на материале английского языка) / И. В. Винатова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2009. — № 43 (181). — С. 31—34.

4. *Демьянков В. З.* Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка / В. З. Демьянков // Вопросы филологии. — 2007. — Спецвыпуск. — С. 86—95.

5. *Елизаренкова Т. Я.* Ведийский язык / Т. Я. Елизаренкова. — Москва : Наука, 1987. — 179 с.

6. *Елизаренкова Т. Я.* Язык и стиль ведийских риши / Т. Я. Елизаренкова. — Москва : Наука, 1993. — 315 с.

7. *Елизаренкова Т. Я.* О ведийской загадке типа brahmodya / Т. Я. Елизаренкова, В. Н. Топоров // Паремнолингвистические исследования : сборник статей. — Москва : Наука, 1984. — С. 14—46.

8. *Лотман Ю. М.* Семиосфера / Ю. М. Лотман. — Санкт-Петербург : Искусство, 2001. — 704 с.

9. *Петрова Е. Б.* Прагмалингвистические особенности речевого акта вопроса (на материале американского варианта английского языка) / Е. Б. Петрова // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2018. — № 4. — С. 65—69.

10. *Топоров В. Н.* О ритуале. Введение в проблематику / В. Н. Топоров // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. — Москва : Наука, 1988. — С. 7—60.

11. *Янко Т. Е.* Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте / Т. Е. Янко. — Москва : Языки славянских культур, 2008. — 312 с.

12. *Frankfort, H.* Before philosophy. The intellectual adventure of ancient man / H. Frankfort, H. A. Frankfort, J. A. Wilson, T. Jacobsen. — Chicago : University of Chicago Press, 1946. — 401 p.

13. *Grice H. P.* Logic and Conversation / H. P. Grice // Syntax and Semantics. — 1989. — Vol.3. — Pp. 22—40.

14. *Jakobson R.* Closing Statement : Linguistics and Poetics / R. Jakobson // Style in Language. — New York, London : The Technology Press of Massachusetts Institute of Technology, John Wiley and Sons, Inc. — 1960. — Pp. 350—377.

15. *Searle J.* Speech Acts / J. Searle // Syntax and Semantics. — 1976. — Vol. 3. — 212 p.

PRAGMALINGUISTIC ASPECT OF INTERROGATIVE SPEECH ACTS IN DISCOURSE OF “RIG VEDA”

© **Margarita A. Voronkina (2020)**, orcid.org/0000-0002-9678-4801, PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Scientific and Technical Translation and Professional Communication, Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russia), voronkina_m@mail.ru.

The interrogative speech acts presented in the linguistic material of the “Rig Veda” — one of the most ancient and culturally significant works that were a manifestation of ritual and mythological discourse, are researched. The language of Vedic texts is considered from the standpoint of the functional approach as a pragmatic system for which such communicative characteristics as intentions and illocutionary power of utterances are relevant. The system of norms and ideas that govern speech activity in the Vedic ritual interaction is taken into account. It has been proven that interrogative speech acts are one of the most important pragmatic elements of this type of discourse. The novelty of the research lies in the fact that all the interrogative structures of the monument extracted as a result of a continuous sampling are studied for the first time from the point of view of pragmatics, taking into account communicative intentions. Various types of questions are described and analyzed, including interrogative constants, interrogative directives, including questions with secondary illocution, as well as proper interrogative sentences. The author comes to the conclusion that, in addition to non-specific pragmatics for a given linguistic material, interrogative sentences in the text of the Rig Veda contribute to the realization of the magic-incantatory function of speech. The results are valuable both for studying the named type of discourse and for clarifying the understanding of the text of the monument and Vedic culture as a whole.

Key words: discourse; pragmatics; speech act; illocution; communicative intentions.

MATERIAL RESOURCES

- Hymns of the Rigveda: In 2 vol.* (1987). Delhi: Munshiram Manoharlal. 1490 p.
- Monier-Williams, M. A. (1999). *Sanskrit-English Dictionary: Etymologically and Philologically Arranged with Special Reference to Cognate Indo-European Languages*. New Delhi: Motilal Banarsidass Publ. 1333 p.
- Rigveda*. Available at: https://aurobindo.ru/sourses/pub/elizarenkova-rig_veda_r.pdf. (accessed 20.07.2020). (In Russ.).
- The Rig Veda in Sanskrit*. Available at: <https://www.sacred-texts.com/hin/rvsan/>. (accessed 20.07.2020). (In Sans.).

REFERENCES

- Arutyunova, N. D. (1981). Faktor adresata [Addressee Factor]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya Literatury i yazyka*, 4 [Izvestiya Akademii nauk SSSR. Literature and language series]. 356—367. (In Russ.).
- Baranov, A. N., Kreydlin, G. E. (1992). Illokutivnoye vyzhdeniye v strukture dialoga [Illocutionary compulsion in the structure of dialogue]. *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of linguistics], 2: 84—99. (In Russ.).
- Demyankov, V. Z. (2007). Tekst i diskurs kak terminy i kak slova obydenного yazyka [Text and discourse as terms and words of everyday language]. *Voprosy filologii. Spetsvyputsk* [Questions of Philology]. 86—95. (In Russ.).

- Elizarenkova, T. Ya. (1987). *Vedyskiy yazyk* [Vedic language]. Moskva: Nauka. 179 p. (In Russ.).
- Elizarenkova, T. Ya. (1993). *Yazyk i stil' vedyskikh rishi* [Language and style of Vedic Rishis]. Moskva: Nauka. 315 p. (In Russ.).
- Elizarenkova, T. Ya., Toporov, V. N. (1984). O vedyskoy zagadke tipa brahmodya [About a Vedic riddle like brahmodya]. *Paremiologicheskiye issledovaniya: sbornik statey* [Paremiological research: collection of articles]. Moskva: Nauka. 14—46. (In Russ.).
- Frankfort, H., Frankfort, H. A., Wilson, J. A., Jacobsen, T. (1946). *Before philosophy. The intellectual adventure of ancient man*. Chicago: University of Chicago Press. 401 p.
- Grice, H. P. (1989). Logic and Conversation. *Syntax and Semantics*, 3: 22—40.
- Jakobson, R. (1960). Closing Statement: Linguistics and Poetics. *Style in Language*. New York, London: The Technology Press of Massachusetts Institute of Technology, John Wiley and Sons, Inc. 350—377.
- Lotman, Yu. M. (2001). *Semiosfera* [Semiosphere]. Sankt-Peterburg: Iskusstvo. 704 p. (In Russ.).
- Petrova, E. B. (2018). Pragmalingvistiicheskiye osobennosti rechevogo akta voprosa (na materiale amerikanskogo varianta angliyskogo yazyka) [Pragmalinguistic features of the speech act of the question (based on the American version of the English language)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk state pedagogical University Journal], 4: 65—69. (In Russ.).
- Searle, J. (1976). Speech Acts. *Syntax and Semantics*, 3: 212 p.
- Toporov, V. N. (1988). O rituale. Vvedeniye v problematiku [About the ritual. Introduction to problems]. *Arkhaischeskiy ritual v folklornykh i ranneliteraturnykh pamyatnikakh* [Archaic ritual in folklore and early literary monuments]. Moskva: Nauka. 7—60. (In Russ.).
- Vinatova, I. V. (2009). Klassifikatsiya kosvennykh rechevykh aktov, vyrazhennykh v voprositel'noy forme (na materiale angliyskogo yazyka) [Classification of indirect speech acts expressed in the interrogative form (based on the material of the English language)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk state University], 43 (181): 31—34. (In Russ.).
- Yanko, T. E. (2008). *Intonatsionnyye strategii russkoy rechi v sopostavitel'nom aspekte* [Intonation strategies of Russian speech in the comparative aspect]. Moskva: Yazyki slavyanskikh kultur. 312 p. (In Russ.).